

Мавзолеи мусульманских святых в районе Искера

Иг. В. Белич

There are considered the monuments revering by tobol tatars as mausoleums of Mussulman saints ("astana"). The author analyzes the data on the last ages about the mentioned objects, traces the more archaic, pagan elements in the given complex of ideas making a conclusion on the late inclusion of astana into the Mussulman tradition.

Культ мусульманских святых, под которым в отечественной этнографии принято понимать "почитание и самих могил, и святых мест", преимущественно выраженный "в форме почитания их могил" [Басилов, 1967, с. 6; 1970], по-прежнему сохраняется в народно-исламских верованиях и обрядах сибирских татар. В последние годы наблюдается даже некоторое усиление его значения в религиозной жизни татарского населения региона, проявляющееся в реконструкции некоторых гробниц, а также в проведении регулярных "дней поминовений" местных святых, приобретающих более массовый характер. К примеру, возросла роль культа одного из самых почитаемых тоболо-иртышскими татарами святого — Хакима шейха, действующая и заново восстановленная гробница которого находится в юртах Баиш (Баеш) в Вагайском районе Тюменской области (полевые материалы автора, июнь 1996 г.).

Вместе с тем нельзя не отметить общий процесс деформации и забвения культа святых: многие персонажи местной мусульманской агиологии забыты, хотя имеются сами конкретные захоронения, генеалогические предания — *сэчэрэ* сохранились фрагментарно или вообще отсутствуют, большинство уцелевших надгробий на святых местах полуразрушены. Такое положение является следствием общего процесса этнокультурного развития сибирских татар, протекавшего в XX в. (и в более ранний период) и затронувшего многие сферы народной культуры, которые оказались вытесненными на периферию этнической культуры современным индустриальным обществом.

В связи с этим нынешнее состояние изученности культа мусульманских святых и культовых памятников данного типа у сибирских татар можно охарактеризовать как крайне недостаточное, хотя отдельным вопросам уделялось внимание в работах Ф. Т. Валеева [1965, с. 307–309; 1993, с. 169–173], В. И. Соболева [1994б, с. 140–142], А. Г. Нестерова [1988, с. 9–10], а также автора [Белич, 1988, с. 103–106; 1994, с. 28–30].

По нашим историко-этнографическим материалам и исследованиям упомянутых авторов, такие памятники в Тоболо-Иртышском междуречье связаны с местами захоронений преимущественно среднеазиатских исламских миссионеров (*авлия* — "святые"; *иашилар*), принадлежавших к суфийскому братству *накибандийя* (ходжей, сеидов, шейхов), погибших здесь в религиозно-военных столкновениях с татарами-шаманистами в докучумовскую эпоху — в конце XIV в. или, по нашей датировке, в конце XV — начале XVI вв. [Белич, 1987; 1988, с. 103–106]. Могилы святых с возведенными над ними сооружениями и территория вокруг погребений получили у сибирских татар название *астана* (от арабск. *астанэ* — букв. "порог двери", "вход во дворец").

Кроме того, на основе сопоставления этнографических материалов и письменных источников, прежде всего известного перевода Н. Ф. Катанова двух татарских рукописей Тобольского музея, опубликованных под названием "О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири" [Катанов, 1903, с. 133–148], были верифицированы отчасти сами источники, а также очерчен ареал раннего распространения ислама, соответствующий территориям формирования в основном тобольских, курдакско-саргатских и, возможно, группы тюменских татар [Белич, 1987, с. 42].

Наконец, наши дальнейшие исследования позволили установить, что культовые памятники возникали как в эпоху Кучума (а культ святых был им не только официально установлен, но и служил важным инструментом государственно-религиозной политики), так и в посткучумовское время, т. е. во второй половине XVI и XVII–XVIII вв., что соответствует второму и третьему этапам исламизации сибирских татар. Причем в эпоху Кучума этот процесс происходил за счет тех же исламских миссионеров из Средней Азии и, вероятно, из Казанского ханства, а позднее — на сложившейся местной основе в рамках официальных мусульманских институтов. Насколько позволяет судить весь комплекс имеющихся источников, а также работы, на них опирающиеся [Томилов, 1994, с. 160–163; Соболев, 1994б, с. 140–142; Валеев, 1993, с. 169–173; Селезнев, Томилов, 1994, с. 127–134; и др.], в эти периоды массированному обращению в ислам была подвергнута значительная часть тоболо-иртышских и томских татар, отдельные группы барабинцев, у которых он окончательно утвердился лишь в середине XIX в.

В данной статье автор продолжает исследование культа святых у сибирских татар в историческом аспекте с привлечением данных из литературы, опубликованных письменных источников и полевых материалов.

В упомянутом переводе Н. Ф. Катанова [1903, с. 23] компилятивных татарских рукописей, принадлежащих перу Сад-Вакаса Аллагулова и Кашафа Абу-Саидова, наряду с повествованием об исторических событиях, относящихся к 1394–1395 гг. и связанных с распространением ислама среди тюркоязычного и частично угрозязычного населения Среднего Прииртышья, приводится список "...мавзолеев 30 над мужчинами, женщинами и девицами... вместе с их именами и названиями тех мест, где они почивают". В начале списка называются имена четырех "из почивающих на берегу Иртыша святых": "в Искере почтенный шейх Айкани; там же пред Искером шейх Бирий (Пирий); шейх Назар; шейх Шербети; все трое были родные братья, из внуков Зенги-бабы" [Там же]. Зенги-баба (Зенги б. Абдмалик, Зенги-Ата) — имя очень популярного в тюркском среднеазиатском фольклоре средневекового святого, являвшегося духовным потомком основателя мистического братства *иясавийа* — Ахмада ал-Йасави (ум. 1166). Мавзолей последнего — главная святыня его последователей, находится в г. Туркестане [Сухарева, 1960, с. 52]. Попутно заметим, что к духовным потомкам йасавийи причислялся и Бахааддин Накшбанди [Тримингэм, 1989, с. 58]. Мазар Зенги-бабы (ум. 1258) расположен недалеко от Ташкента [Бартольд, 1968, с. 142]. В верованиях тюркских народов Средней Азии и Казахстана, Поволжья и Приуралья имя этого пастушеского шейха, наложившись на древние анимистические представления, стало ассоциироваться с образом "духа-покровителя" ("хозяина") крупного рогатого скота [Валиханов, 1986; Татары..., 1967; и др.]. В верованиях сибирских татар Занги (Санги) баба также считался "хозяином" коров, двора, "он жил в хлеву, покровительствуя домашним животным" [Валеев, 1976, с. 325].

Шейхи Бирий, Назар и Шербети, вероятно, реальные исторические личности, как мы попытались это показать в отношении шейха Шербети [Белич И. В. Культ святых астана сибирских татар в истории Сибири. В печати], и названы внуками Зенги-бабы. Здесь следует иметь в виду не буквальную физическую генеалогию, а духовную преемственность — *силсила*, характерную для суфизма [Тримингэм, 1989]. Указывается, что погребены эти святые "там же пред Искером" — т. е. все трое в одном месте, а "в Искере" — шейх Айкани. Таким образом, в районе бывшей столицы Сибирского юрта в прошлом существовало несколько, по крайней мере не меньше двух, мавзолеев, но один из них представлен как групповое погребение, а другой — как одиночное. Их местоположение на Искере, являвшемся главным административно-политическим, торговым и культурным центром ханства, и рядом с ним свидетельствует о том, что данные мавзолеи служили его главными святынями и, соответственно, захороненные в них шейхи относились к числу наиболее почитаемых святых, которые санкционировали всю духовную и светскую власть в пределах этого раннефеодального государства Западной Сибири.

Исследования последних лет позволяют констатировать, что в 17 из 30 случаев сведения, изложенные в рукописях Сад Вакаса и Кашафа, находят полные аналогии в современных этнографических материалах (табл.). Однако подтвердить данные в отношении святых погребений в районе городища Искер нам не удалось: по-видимому, имена первых четырех из перечисленных в рукописях святых шейхов, как и места их захоронений, в живой народной памяти не сохранились. Но могут возникнуть сомнения в достоверности сведений, содержащихся в рукописях. В связи с этим возникает вопрос: существовали ли вообще какие-либо мусульманские культовые сооружения в районе средневекового Искера?

Археологические работы, проведенные в разное время М. С. Знаменским, В. Н. Пигнатти, В. П. Левашовой, Б. Б. Овчинниковой, А. П. Зыковым на Кучумовом городище, не позволяют с определенностью ответить на этот вопрос. В Сибирских летописях описание Искера отсутствует. Нам остается лишь предположить, что в период существования Искера (Кашлыка) как действующего раннефеодального города [Соболев, 1988, с. 52], в особенности во время правления Кучума, в нем должна была находиться мечеть. Возможно, что при мечети существовал и мавзолей с прахом шейха Айкани, но у нас нет достаточно убедительных археологических доказательств.

Т а б л и ц а

Татарские рукописи	Этнографические материалы
1. "шейх Муса в Куча-Ялане"	аул Кучаялан — Муса шаих
2. "внутри Вагая есть... Касим-шейх"	аул Баик — Касим шаих
3. "на Баише господин Хаким-шейх"	аул Баеш — Хаким шаих (Хаким-ата)
4. "у устья Ишима..., в селении Большой Буран, мавзолеем Бигач-ата"	аул Тюрмитяки (Оллы Бурэн) — Бигач-ата с семьей
5. "у озера Лючюк почтенный Науф"	Лэчик-юрт — Науф (Азис Науф) шаих
6. "в Карбине шейх Омар-Али"	аул Карбино — Гумар-Али шаих
7. "в Иш-тамале Акыл-биби"	аул Иштаманы — Акил-биби с сестрой

Тем не менее В. И. Соболев, основываясь на материалах раскопок В. Н. Пигнатти 1915 г. и, в частности, описании “нахождения осевшего глинобитного свода, поставленного на сгнившие ныне балки высотой приблизительно аршина два... и двух ям, диаметром свыше сажени каждая, с лазом между собой”, выход из которых вел к осыпавшемуся берегу Иртыша [Пигнатти, 1915, с. 13], видит в этих остатках следы фундамента от культовых сооружений [Соболев, 1994а]. Руководствуясь тем же описанием В. Н. Пигнатти, А. Г. Нестеров посчитал возможным связать остатки осевшего глинобитного свода непосредственно с развалинами мавзолея шейха Айкани [Нестеров, 1988, с. 10], хотя антропологический материал в этом месте раскопок отсутствовал.

Не вдаваясь в детали, отметим, что как мнение самого В. Н. Пигнатти, так и приводимые им данные не могут однозначно свидетельствовать о наличии культовых строений. Но то, что в средневековом Искере мечеть все же была, сомнений вызывать не должно. Косвенным подтверждением служит рисунок с ее изображением в Кызыл-Туре, помещенный в Ремезовской летописи [ст. 16; Миллер, 1936, с. 176], а также остатки мечети, обнаруженные Миллером в Каурдацком остроге [Элерт, 1990, с. 118]. Находился ли в ханской ставке мавзолей Айкани — столь же возможно, сколь и маловероятно.

Во-первых, шариат “неодобрительно относится к украшению могил и монументальным сооружениям над ними, особенно же к тому, чтобы могилы служили местом молитвы” и находились близ мечетей [Керимов, 1978, с. 178]. Хотя, как хорошо известно из истории и архитектуры народов Востока, эти каноны зачастую нарушались, в основном в средние века: например, гробница и мечеть Ахмада ал-йасави в г. Туркестане [Гольдциор, 1938, с. 41]. Во-вторых, следует учитывать небольшую площадь ставки хана — ее цитадели, составлявшей в диаметре 100 метров (50 сажений), в которой “кроме хана и его фамилии и служителей немногим другим знатым татарам жить можно было” [Миллер, 1750, с. 134]. Третье, и самое важное, то, что, согласно установившейся традиции сибирских татар, астана того или иного святого в с е г д а находится за пределами поселений, как правило на кладбище. Во всяком случае, все зафиксированные нами современные астана, которые соотносятся с мавзолеями, перечисленными в рукописях, располагаются на некрополях. В данном случае имеются в виду астана с конкретными погребениями и соответствующими надмогильными сооружениями, а не исламизированные объекты прежних архаичных верований, нередко также именуемые астана [подробнее о классификации культовых мест у сибирских татар см.: Белич, 1987, с. 40–42]. Поэтому ситуацию этнографической современности можно с большой степенью вероятности экстраполировать и на период функционирования Искера.

Наша рабочая гипотеза сводится к следующему. В районе Искера (Кашлыка) во время его существования как столицы Сибирского ханства (в особенности это относится к периоду после 1563 г.) располагалось два типа мусульманских культовых сооружений, составлявших единый, но разделенный в пространстве культовый комплекс.

Первый тип представлен мечетью, которая находилась в тот период непосредственно в укрепленной части поселения — его цитадели. Если согласиться с обоснованным мнением В. Н. Пигнатти, “что на тех местах, где ныне поля дер. Алемасовой (сопка 6 на плане Искера, снятого А. Давыдовским. — *И. Б.*), на том месте, которое неизвестный любитель старины на своем плане 60-х годов назвал местом жилищ воинов Кучумовых, был расположен город в истинном значении слова” (т. е. торгово-ремесленный посад, где была сосредоточена основная часть населения. — *И. Б.*) [Пигнатти, 1915, с. 17], то можно допустить существование и второй мечети.

Второй тип — мавзолеи святых, которые должны были находиться на кладбищах. Напомним, что таких культовых объектов здесь, согласно рукописям, было два: первый — одиночное погребение, связанное с именем шейха Айкани, второй — групповое захоронение шейхов Бирия, Назара и Шерпети. Следовательно, допустимо предположить существование в прошлом близ Искера и двух кладбищ. Это подтверждается и выводами В. Н. Пигнатти, согласно которым “у берега Иртыша, на этой сопке (та же сопка 6. — *И. Б.*) было расположено кладбище, которое, надо думать, обвалилось и в седые времена, почему и было оставлено; новое кладбище столицы устроилось на левой стороне Сибирки (сопка 3)” [Там же]. На хранящейся в фондах Тобольского музея-заповедника фотографии с “Плана столичного города Искера” (ТМ, кп 15672/5), снятого неизвестным автором в 20-х гг. XIX в. [Знаменский, 1891, с. 8], это кладбище обозначено под № 3 (что соответствует сопке 6 на плане А. Давыдовского).

Существовал ли на этом древнем кладбище мавзолей мусульманского “святого” (или “святых”)? Ученые и путешественники второй половины XVII–XVIII вв., посетившие Искер, ничего не сообщают об этом, и только в “Записках Путешествия...” И. П. Фалька, побывавшего на Искере в 1771 или 1772 г., имеются интересующие нас сведения: “В шести верстах ниже (села Абалакского. — *И. Б.*) находится русло Сибирки, на правом берегу при сем протоке... близ Градской площади (т. е. городища. — *И. Б.*) находится татарское кладбище, на котором стоит древняя деревянная башня, заключающая, по сказанию, гроб во святых считаемого Скир Стама, к которому прежде стекалось много Магометан на поклонение” [Фальк, 1824, с. 394].

Нетрудно понять, что шведский врач и естествоиспытатель, скажем не совсем хорошо владевший русским языком, получил данную информацию от татарина, пользуясь, вероятно, услугами

переводчика, и ошибся, записав выражение “Искер астана” как имя “святого”. Из описания И. П. Фалька видно, что надмогильное сооружение “святого” представляло собой высокую деревянную конструкцию. Учитывая консервативность и устойчивость архитектурных канонов, можно считать, что традиция эта, без значительных изменений сохранилась у сибирских татар до настоящего времени. Вероятно, аналогичным является сооружение, находящееся на кладбище в ауле Тахтагул (Тобольский район). Судя по фотографии, любезно предоставленной автору уроженцем аула А. Ташбулатовым, эта астана представляет собой деревянную постройку шестиугольной формы без кровли, срубленную из 15 венцов, с дверью (рис.).

Рис. Астана близ дер. Тахтагул, зима 1991 г.

По всей вероятности, “Искер астана” и татарское кладбище, упомянутые И. П. Фальком, были расположены в то время на левом берегу Сибирки, напротив Искера, — “близ Градской площади”, т. е. на том же месте, которое составителем плана Искера 1820-х гг. было обозначено как “кладбище” и соответствовало сопке 3 на плане 1915 г. А. Давыдовского. Это подтверждается и наблюдениями М. С. Знаменского: “Как раз против колодца на левом берегу Сибирки есть ровная зеленая площадка, составляющая уступ горы; на старом плане (1820-е гг. — И. Б.) эта местность обозначена названием “древнее кладбище”: небольшие продолговатые ямы — вот все, что только можно здесь видеть” [Знаменский, 1891, с. 10]. При этом он высказал любопытную мысль: “не кладбище ли это русских, умиравших на Искере”, — аргументируя ее тем, что, “зная как чтут татара свои кладбища, трудно предположить, чтобы они оставили это место в таком заброшенном виде, тем более, что несколько далее, на самом вершине горы, у них покоится прах какого-то чтимого святого; куда они дважды в год съезжаются со всех окрестностей творить поминки и молиться целую ночь” [Там же].

К какому времени относится этот могильник и кто его ставил, без проведения археологических работ с определенностью сказать трудно. Для нас важно следующее замечание М. С. Знаменского: “До 29 мая 1881 г. там (т. е. на месте погребения “святого”. — И. Б.) стояла небольшая молельня, но в этот день... загорелся Преображенский лес и он и памятники татарские уничтожились” [Там же]. Очевидно, что под “молельней” следует иметь в виду собственно мавзолей “святого”, а “памятники” являлись традиционными срубными надмогильными сооружениями. Восстанавливался ли после пожара данный мавзолей, пока неизвестно, вероятнее всего, нет. Но очевидно, что с этого времени традиция его почитания, длительное время бытовавшая у сибирских (тобольских) татар, начинает постепенно угасать и полностью исчезает к настоящему времени.

Полевые материалы, полученные нами в последние годы, позволяют предполагать, что в районе средневекового Искера существовал еще один мусульманский мавзолей. На противоположном берегу Сибирки, напротив Искера, была зафиксирована почти ровная прямоугольная в плане площадка, составляющая 900 кв. м., поросшая преимущественно хвойным лесом. Площадка окантована неглубоким ровиком (0,2–0,35 м) и ориентирована по сторонам света. С западной стороны к ровику примыкают три впадины. В слое были найдены мелкие фрагменты лепной керамики, а также обожженного кирпича и глиняной обмазки. По характеру культурного слоя памятник может датироваться временем, близким к периоду существования Искера. Раскопки на площадке не проводились. По мнению А. П. Зыкова (устное сообщение, 1993 г.), основанному на описании памятника, последний нельзя считать городищем. На наш взгляд, все признаки: малая площадь, прямоугольная в плане форма, наличие ровика с внешним валом (наблюдаемое и поныне на многих та-

тарских кладбищах), ориентация по сторонам света — свидетельствуют в пользу интерпретации его как древнего культового памятника сибирских татар. По-видимому, в прошлом здесь существовала астана и, возможно, небольшой могильник. В качестве аргументов приведем примеры подобных типов памятников: башня “Тамерлана”, известная сегодня как реконструированный портално-шатровый мавзолей Кесене XIV века, расположенный близ с. Варна в Челябинской области [Стоколос, 1962, с. 21–26; Боталов, 1986, с. 119]; развалины неизвестного мусульманского мавзолея XIII–XIV вв. близ средневекового Отрара [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987, с. 124–125, 220]. Дальнейшие археологические работы на вышеназванном объекте позволят уточнить высказанное предположение.

Как распространение мировых религий в среде других народов, например славян на Руси, началось со столиц и главных городов, так и, по справедливому мнению В. И. Соболева [1988, с. 5], “в Сибири ислам прежде всего утвердился в столице среди местной знати. Затем этот процесс расширился за счет господствующей верхушки других районов государства”.

Таким образом, мусульманские мавзолеи, существовавшие в районе Искера, следует отнести к числу наиболее ранних и сакрально значимых культовых памятников.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Отрар в XIII–XV веках. Алма-Ата, 1987.
- Бартольд В. В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. М., 1968. (Сочинения / В. В. Бартольд. Т. V).
- Басилов В. Н.* Пережитки доисламских верований в мусульманском культе святых (на материалах Туркмении): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1967.
- Басилов В. Н.* Культ святых в исламе. М.: Наука, 1970.
- Белич И. В.* Культурные места сибирских татар как историко-этнографический источник // Роль Тобольска в освоении Сибири. Тобольск, 1987.
- Белич И. В.* О начале исламизации сибирских татар // Проблемы этнографии и социологии культуры. История, краеведение и музееведение Западной Сибири. Омск, 1988.
- Белич И. В.* Цингалинская астана // Ислам, общество и культура. Омск, 1994.
- Боталов С. Г.* Погребальный комплекс Кесене // АО 1984 года. М.: Наука, 1986.
- Валеев Ф. Т.* Сибирские бухарцы во второй половине XIX — начале XX вв.: Дисс. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1965.
- Валеев Ф. Т.* О религиозных представлениях сибирских татар // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976.
- Валеев Ф. Т.* Сибирские татары (Культура и быт). Казань, 1993.
- Валиханов Ч.* Киргизское родословие // Чокан Валиханов. Избранные произведения. М., 1986.
- Гольдцор И.* Культ святых в исламе (Мухам-меданские эскизы). М., 1938.
- Знаменский М. С.* Искер. Тобольск, 1891.
- Катанов Н. Ф.* О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев западной Сибири // ЕТГМ. 1903. Т. 12.
- Керимов Г. М.* Шариат и его социальная сущность. М., 1978.
- Миллер Г. Ф.* Описание Сибирского царства. Спб., 1750. Кн. 1.
- Миллер Г. Ф.* История Сибири. М.–Л., 1936. Т. 1.
- Нестеров А. Г.* Государство Шейбанидов и Тайбугиноа в Западной Сибири в XIV–XVII вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1988.
- Пигнатти В. Н.* Искер (Кучумово городище) // ЕТГМ. Тобольск, 1915. Т. XXV.
- Селезнев А. Г., Томилов Н. А.* Некоторые проблемы изучения ислама в Сибири // Ислам, общество и культура. Омск, 1994.
- Соболев В. И.* Раннесредневековые города татарского населения Западной Сибири // Город и деревня Сибири досоветского периода в их взаимосвязи. Новосибирск, 1988.
- Соболев В. И.* История Сибирского ханства (по археологическим материалам): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1994а.
- Соболев В. И.* Распространение ислама в Сибири // Ислам, общество и культура. Омск, 1994б.
- Стоколос В. С.* Археологические исследования Челябинского областного музея // Вопросы археологии Урала. Свердловск: Уральск. ун-т, 1962. Вып. 2.
- Сухарева О. А.* Ислам в Узбекистане. Ташкент, 1960.
- Татары Среднего Поволжья и Приуралья.* М., 1967.
- Томилов Н. А.* Сибирь — северо-восточная ветвь исламской цивилизации // Ислам, общество и культура. Омск, 1994.
- Тримингэм Дж. С.* Суфийские ордена в исламе. М., 1989.
- Фальк И. П.* Записки Путешествия Академика Фалька // Полное собрание ученых и путешественников по России. Спб., 1824. Т. 6.
- Элерт А. Х.* Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск: Наука, 1990.

*Тобольск, Тобольский государственный
историко-архитектурный
музей-заповедник*